

УДК 821.0.398

Ю.А. Крашенинникова

**К ВОПРОСУ О ЖАНРАХ СОВРЕМЕННОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА:
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПРИГОВОРАХ-БЛАГОПОЖЕЛАНИЯХ
В ЗАПИСЯХ КОНЦА XX в.**

В традиционном русском свадебном обряде получили распространение говорные (термин Б.Н. Путилова, Г.А. Левинтона) жанры – приговоры, которые произносятся участниками свадьбы – свадебными чинами, приглашенными гостями и зрителями. В публикациях, архивах отложился довольно большой корпус поэтических текстов, которые исполняются дружками, девушками – подругами невесты, тысяцким, сватьями и сватами, приглашенными и неприглашенными гостями, местными жителями. Наряду с пространными развернутыми приговорами, комментирующими, организующими, сопровождающими различные ритуальные акты свадебного действия (сватовство, преподнесение даров, отпирание закрытых дверей дома невесты, и проч.), выделяется корпус лаконичных текстов, реплик, выполняющих те же функции. В настоящей работе речь пойдет о текстах благопожеланий, записанных в последней трети XX в., которые произносятся на свадьбе гостями и сопровождают дарение молодой пары, жениха и невесты, реже – родителей молодоженов и свидетелей. Анализируется несколько текстов, содержание которых отсылает к традиционным народным представлениям.

Введение

Настоящая заметка посвящена благопожеланиям, которые произносятся на свадьбе гостями и сопровождают дарение молодой пары, жениха и невесты, родителей молодоженов и свидетелей. Одаривание происходило на второй день свадьбы [1, с. 208]; в современной свадьбе оно имеет место на свадебном застолье. Попавшие в поле нашего зрения тексты благопожеланий были записаны в последней трети XX в. [1, с. 208–209; 2, т. 2, с. 300–301]; четко выделить территорию их распространения достаточно сложно. Появляются они в публикациях спорадически, да и архивные материалы не дают возможности выявить закономерность в их распространении; мы оперируем записями, сделанными в основном в Кировской (Опаринский, Лузский, Подосиновский, Котельнический, Малмыжский р-ны, зап. 1988–1990, 1999 гг.), а также Нижегородской (зап. 1978 г.), Астраханской (зап. 1977 г.), Калужской [2, т. 2, с. 300] областях, г. Сыктывкар (зап. 1986 г.).

Тексты лаконичны, просты по содержанию; информанты отмечают их импровизационный характер («сам сочиняешь», «на ходу» [3, ФЭ-16:5339, Подосиновский р-н Кировской обл., 1988]). Зафиксировано указание о необходимости исполнения семи благопожеланий при одаривании [3, ФЭ-17:1643, Опаринский р-н Кировской обл., 1990]. Тексты строятся по одной схеме, в основе которой двухчастная конструкция: в первой части называется дар и реципиент; во второй – озвучивается пожелание (чтобы было / не было): например, «Вот вам соль, чтобы не было ссор», «Дарю вам веник, чтобы было много денег», «Вот вам репка, чтобы любили друг друга крепко», «Дарю тебе капусту, чтоб в доме не было пусто», «Вот вам лук, чтобы в доме не было разлук», «Вот вам чеснок, чтоб первый был паренек» и проч.

Упомянутые в благопожеланиях дары распределяются на несколько групп: растительные реалии (репа, редька, горох, капуста, чеснок, морковь, свекла, помидор, картофель); предметы домашнего обихода «культурного происхождения» (веник, платок, полотенце, пеленка, мыло, стакан и вода, сберкнижка, кирпич, горсть земли); деньги (серебро, рубль, пятак, копейка).

В текстах выражается пожелание благополучия, достатка, богатства, фертильности, изобилия. В большинстве записей эта функция – наделить одариваемых перечисленными качествами и благами – прозрачна во второй части благопожелания («дарю что-

либо, чтобы было...»). Значительно меньше в количественном отношении текстов, в которых даримый предмет наделяется своеобразной компенсаторной функцией. В этих текстах надделение добром, достатком, благополучием актуализируется через пожелание отсутствия бедности, нищеты, голода, одиночества («дарю что-либо, чтобы не было...»).

Характеризуя систему дарообмена в свадебном обряде, исследователи указывают на ее сложность и многоступенчатость: стороны постоянно обмениваются дарами, молодоженов одаривают на свадебном пиру и в течение первого года после свадьбы [4, с. 20]. Каждый дар, который преподносился молодоженам на свадьбе, становится средством «наделения благом и умножения благосостояния» [4, с. 16], не только рассматривался как материальная ценность, а становился «символом связей новой семьи с социумом, знаком богатства, престижа», который «сохраняли в течение всей жизни, передавали по наследству» [4, с. 20]. В этом контексте анализируемое одаривание (в частности, «набор» даримых предметов, содержание ряда текстов) отличается от дарения в традиционной свадьбе установкой на травестийный, шуточный характер. В связи с этим возникает вполне вопрос: имеют ли тексты благопожеланий символическую нагрузку или они создаются исполнителями исключительно на основе рифмы, фонетической близости, а выбор даримых предметов является произвольным и немотивированным?

Мифопоэтические представления в приговорах-благопожеланиях

Материалы, зафиксированные в фольклоре и ритуальных практиках, а также наблюдения исследователей [5] указывают на разный семиотический статус в народной культуре перечисленных выше реалий. Так, высокая «культурная отмеченность» [5, т. 1, с. 9] в системе культурных символов характерна для некоторых растений (репа, горох, капуста, чеснок), предметов (соль, яйцо, веник, полотенце), денег. Некоторые реалии практически лишены «семантической нагруженности», выделяется довольно большая группа текстов, возникновение которых произошло, скорей, благодаря рифме или фонетической близости слов, например: «Вот тебе морковь, чтоб ты уважала свекровь», «Вот тебе свекла, чтоб ты уважала свекра» [1, с. 209], «Вот вам помидор, чтобы дома не было раздор» [3, ФЭ-17:1106-1107, Опаринский р-н Кировской обл., 1990], «Дарю кирпич, чтоб в доме был “Москвич”» [3, ФЭ-16:3426, Подосиновский р-н Кировской обл., 1988], «Вот тебе груш, чтоб любил тебя муж» [6, тетр. № 1, Астраханская обл., 1977, л. 3], «Вот вам мыло, чтоб в доме было мило» [3, ФЭ-16:4457, Подосиновский р-н Кировской обл., 1988]. В некоторых текстах ассоциативная взаимосвязь даримого предмета и пожелания лежит «на поверхности», например: «Дарю вам пеленки, чтоб бы-ли ребенки» [3, ФЭ-16:3426, Подосиновский р-н Кировской обл., 1988].

Остановимся лишь на нескольких приговорах-благопожеланиях. Например, текст, адресованный невесте или молодой паре: «Дарю тебе капусту, чтоб не было пусто» [3, ФЭ-17:1643, Лузский р-н Кировской обл., 1990]; вар.: «Дарю капусту, чтоб на столе не было пусто» [6, тетр. № 4, Нижегородская обл., л. 29, 1978], «Вот вам капуста, чтоб в доме вашем не было пусто» [1, с. 208, Малмыжский р-н Кировской обл., 1999; вар.: 3, ФЭ-17:1106-1107, Опаринский р-н Кировской обл., 1990]. Принимая во внимание фонетическую близость пары *капуста – пусто*¹, попытаемся проследить, почему капуста предназначена невесте или обоим молодоженам, а отсутствие капусты в хозяйстве может стать причиной пустоты в доме и ассоциируется с пустым столом [9].

¹ На принципе фонетического созвучия слов *капуста – пусто* строятся финальные формулы русских сказок: «А уж какая у них капуста – ино теперь в роте пусто» [7, т. 1, с. 353], «Ел я капусту, а в брюхе-то пусто» [7, т. 3, с. 164]. Приведем текст детской заклички: «Самолет, самолет, // Прокати меня в полет, // А в полете пусто, // Выросла капуста! // Я капусты не хочу, // Лучше в небо улечу!» [вар.: 8, с. 250, № 808].

1. В приметах, поверьях, сельскохозяйственных обрядах актуализируется связь капусты с женским началом: посадка капусты производилась исключительно женщинами, сопровождалась эротическим обрядовым поведением с магией плодородия, считалось, что если мужчина посадит овощи, «то они зацветут, но не дадут плода» [10, с. 185], запрещалось сажать капусту в мужские дни: понедельник, вторник, четверг [9, с. 458].

2. Эротическая символика проявляется в игровом фольклоре: капуста символизирует «состояние любовной страсти (возбуждение), склоняющее ее (девушку – Ю.К.) к свободному поведению» [11, с. 238].

3. Объективные признаки растения: пузатость, густота, толщина, округлость, многослойность – подчеркивается во многих фольклорных жанрах²; в народных представлениях эти признаки осознаются как проявление «полноты», «дородности», «многожественности», «достатка», «богатства», «состояние беременности» («богатый пузатет, бедный тощает» [14, т. 3, с. 563] и др., пузатеть – беременеть [14, т. 3, с. 563]).

4. Семантика капусты как «последнего» средства, спасающего от нужды, обнаруживается в пословицах «Капуста лучше пуста, хоть ести невозможно, да в брюхе не порожно» [15, с. 168], «Капуста лихова не попустит» [15, с. 168], «Хлеб да капуста лихого не попустят» [15, с. 429].

5. В диалектах капуста выступает метонимической заменой всего блюда: «наварить капусты» означает «приготовить борщ» [16, с. 379]³.

6. Необходимость, незаменимость капусты в рационе актуализируется в пословице «Для чего огород городить, коли капусты не садить» [10, с. 186].

7. В некоторых ритуалах и заговорных текстах подчеркивается связь капусты с миром предков и средой маргиналов – людей, имеющих пограничный статус в социальном пространстве, к которым в традиции относились как к посредникам между этим и «тем светом», воплощению душ умерших [18, с. 408, 409]. Так, для получения хорошего урожая в день завивания кочанов, день Пантелеймона Кочанного (9 августа), угощали пирогами с капустой нищих странников [9, с. 461], нищие упоминаются в заговорах на посадку капусты: «Сажу я капусту на нищих, на нищих, на завидящих» [19, с. 218]. Зафиксированы данные об обязательном использовании капусты на Рождественский сочельник, поминальные дни [20, с. 49; 21, с. 25]⁴.

8. Имплицитная связь капусты с чадородием: устойчивы представления о том, что новорожденных детей находят в капусте [17, ВФ 1514-3].

Таким образом, продуцирующая и профилактическая функции этого благопожелания «просветляется» благодаря привлечению фольклорных, языковых, этнографических данных. Текст содержит пожелание достатка, благополучия, фертильности, способности к деторождению, покровительства предков; кроме того, можно предполагать, что посредством этого благопожелания невеста «вписывается» в женский круг. В этом контексте становится «прозрачна» и адресация этого пожелания невесте или молодой паре.

² Например, при посадке капусты приговаривают: «Не будь голенаста, будь пузаста; не будь пустая, будь густая; не будь красна, будь вкусна; не будь стара, будь молода; не будь мала, будь велика» [12, т. 2, с. 370], «Как выйдешь капусту садить, задрать подол надо и по голой ж... шлепать три раза со словами: “Каки бедра мои толсты, така капуста рости толста”» [13, с. 219, № 1281] и др., многослойность капусты подчеркивается в загадках.

³ Нами записан текст сновидения: исполнительница рассказывает, что во сне увидела умершего мужа, который обратился к ней с просьбой накормить его. Примечательна реплика умершего «Кушать мне надо, капусту хлебать», в которой капуста выступает в качестве всего блюда [17, АФ 1548-40, Прилузский р-н Республики Коми]; собственно, эта реплика отсылает и к правилам поминальной обрядности.

⁴ В с. Лойма Прилузского р-на Республики Коми нами записано, что капусту как поминальную еду приносили на кладбище («Раньше капуста, а теперь салаты модно» [22, зап. от Евсеевой В.В., 1934 г.р., 2006]).

Второе благопожелание – «*Вот вам соль, чтобы не было ссор*» [3, ФЭ-16:3426, Подосиновский р-н Кировской обл., 1988], также адресовано жениху и невесте.

Если следовать распространенной примете, согласно которой рассыпание соли ведет к ссоре, то, напротив, дарить бы соль не нужно, чтобы не спровоцировать эту самую ссору. Между тем символика соли в традиционных представлениях как апотропейного (защитного) средства (некоторые примеры приведены ниже) дает основание полагать, что не только фонетическая близость слов соль – ссора⁵ сыграла роль при возникновении этого пожелания.

Обратимся сначала ко второй части благопожелания. Так, *ссора* квалифицируется как «состояние взаимной вражды, размолвка, взаимная перебранка» [24, с. 661]; «взаимная вражда, сопровождающаяся полным прекращением отношений, серьезная размолвка» [25, т. 4, с. 471]; «свара, несогласие, раздор, побранка (перебранка), размолвка, вражда, козлы, нелады, разлад, неприязнь, розни, вздоры» [14, т. 4, с. 307]. Человек, склонный к ссорам или умеющий ссориться, называется ссорным, сварливым, вздорным, способным браниться, враждовать, умеющий подстрекать ссоры [14, т. 4, с. 308]. Последнее важно, поскольку в традиционных представлениях люди, проявляющие такие черты характера как сварливость, вспыльчивость, недоброжелательность, злобность, склонность к сквернословию и брани, считались сглаженными, испорченными: перечисленные черты характера расценивались как признаки аномального поведения, брань являлась отличительным признаком представителей «чужого мира», привлекала нечистую силу [26, с. 250–253]. Таким образом, даримая соль воспринимается как средство от ссоры, порчи.

В публикациях и архивных материалах содержится достаточно много примеров использования соли в ритуальных практиках в связи с ее апотропейными свойствами. Приведем лишь некоторые. В свадебном обряде для предупреждения возможной порчи молодоженов и свадебщиков колдун брал из рук хозяйки хлеб и соль, разламывал хлеб на кусочки, круто посыпая солью, и разбрасывал по сторонам [19, с. 210]. В заговорах свойство соли не портиться актуализируется в конструкции «Как соль не портиться, так чтоб (скот, дом и проч.) не портился» [17, АФ 1544-12, 1550-32, ВФ 1523-18, Прилузский р-н Республики Коми]. Чтобы ребенок не привлек к себе порчу, перед выходом на улицу ему с приговором «Как с солью ничего не будет, так чтоб с ребенком ничего не было» посыпали темечко солью [22, Прилузский р-н Республики Коми, зап. от Иевлевой Р.И., 1936 г.р., 2007]⁶. В.И. Даль отмечает, что во избежание ссоры просыпанной солью посыпают голову [12, т. 2, с. 392]. Формула «Злому лихому соли в глаза» [28, Ф. 573. Оп. 1. Д. 101. Л. 23, Вологодская губ., 1924 г.] достаточно устойчива в заговорных текстах⁷. Функция соли как защитного средства от демонологических существ закрепились в текстах сказочной прозы (например, сюжет о знающих (колдунах), которые могут временно избавиться от настойчивого домогательства чертей, рассыпав для них соль [17, АФ 1706-6, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996].

⁵ А.К. Байбуриной полагает, что в возникновении устойчивой ассоциации соли с ссорой участвовал ряд моментов, в числе которых и фонетическая близость слов «соль» и «ссора», а точнее «цепочка соль – сор – ссора» [23, с. 6].

⁶ Соль (особенно ту, которая поставлена к иконам в Великий Четверг) широко использовали в скотоводческой обрядности (солью посыпали корову от сглаза и болезней, при первом выгоне давали каждому животному хлеб, посыпанный четверговой солью, опускали в отдаваемое молоко, чтобы не потерять удойность) [27, с. 18].

⁷ Соль использовали как средство от пожара [29, Ф. 5. Оп. 2. Д. 719. Л. 145. Прилузский р-н Республики Коми]. В гаданиях соль была знаком «хорошей» жизни: на тарелку клали хлеб, соль, уголь, печину (кусочек от печки), привязывали веретено на нитку и держали его над тарелкой. Если веретено останавливалось над солью, хлебом, это предвещало хорошую жизнь, над углем, печиной – к несчастью [17, АФ 1710-40, Вилегодский р-н Архангельской обл., 2004].

В паремиях наличие соли в хозяйстве, в доме связывается с его благополучием, символизирует достаток, счастье, является признаком хорошей жизни, например, «Соли не жалея, так жить веселей» [14, т. 4, с. 268]. Напротив, отсутствие соли является причиной разлада в отношениях, в доме: «Без соли стол кривой», «Без соли хлеб не естся» [14, т. 4, с. 268], «Несолоно есть, что с немилым целоваться» [12, т. 2, с. 286]. Подчеркивается способность соли к мирному сосуществованию (например, в формуле «хлеб-соль»): «Хлеб-соль никогда не бранится» [14, т. 4, с. 268], «За хлебом-солью всякая шутка хороша» [14, т. 4, с. 268] и др.

Та же апотропейная функция даримого предмета выступает на первый план в благопожеланиях, адресованных жениху и невесте «Дарю вам лук, чтоб не было разлук» [3, ФЭ-16:3426, Подосиновский р-н Кировской обл., 1988] (вариант: «Вот вам лук, чтобы в доме не было скук» [3, ФЭ-17:1106-1107, Опаринский р-н Кировской обл., 1990]).

Значения слов «скука», «разлука»⁸ указывают на то, что лук дарится в качестве средства для предотвращения болезней, одиночества, расставания молодых. В этом контексте естественно выглядят материалы об использовании лука как апотропея [32, с. 140–143]. В частности, в свадебной обрядности лук и чеснок клали в карманы жениху и невесте; у украинцев лук и чеснок вплетали в венок невесты [33, с. 38, 48]. Г.С. Маслова приводит примету, согласно которой почерневшая в кармане невесты луковица означала, что на девушку была напущена порча, которую луковица «приняла» на себя [33, с. 38]. В Нижегородской губернии перед отправлением к венцу жениху и невесте клали в карманы по луковице, те же предосторожности предпринимали и все поезжане [34, с. 704]. Во время эпизоотий связки лука и чеснока развешивали в доме и привязывали на шею домашним животным, чтобы предотвратить заражение [10, с. 346]. В паремиях лук характеризуется как средство от физических и душевных болезней: «Лук семь недугов лечит», «Лук надежный друг сердечный» [15, с. 208] и др.

Наконец, приведем одно благопожелание, адресованное свекрови: «Вот тебе, свекровь, картошка, чтоб любила сношку как дочку, во всем ей помогала, в обиду не давала» [3, шифр не указан, Опаринский р-н, 1990]. В.В. Усачева, анализируя значение картофеля в традиционных представлениях, отмечает, что долгое время картофель относился к сфере «чужого», но по мере вхождения этой культуры в постоянный рацион изменилось его восприятие и в народной среде [35, с. 473–475]. Позитивное значение картофеля закрепилось в некоторых фольклорных жанрах. В частности, в паремиях, как и в цитируемом благопожелании, картофель имеет значение «помощника, поддержки, опоры»⁹: «Картофель хлебу подпора» [14, т. 2, с. 94], «Картофель хлебу подспорье», «Картошка хлебу присошка» [10, с. 333] и др., вспомним и устойчивое выражение «картофель – второй хлеб».

Заключение

Таким образом, в описаниях современной свадьбы зафиксированы благопожелания, которые произносятся гостями и сопровождают дарение молодоженов, их родите-

⁸ *Разлука* означает «состояние разлучающихся и разлученных; расставание, житье врозь, порознь; удаленье, разъединенье» [14, т. 4, с. 33], *разлучать* – «разъединять, удалять друг от друга, прерывать совместное пребывание» [30]. В комплексе значений лексем *скука*, *скупать* отмечены «жить в одиночестве; ...скупать по ком, по чем, грустить, тосковать или томиться, ...хворать, болеть» [14, т. 4, с. 212–213], основное значение слова *скука* передается через сближение с таким кругом слов, как *тоска*, *печаль*, *горе* [31, с. 85].

⁹ Значения лексем «подпора», «подспорье», «присошка»: *присошка* – подпорка для прочности [14, т. 3, с. 444], *подпора* – то, что поддерживает в беде, опора; *подпирать* – служить опорой чему-л., поддерживать собою что-л., оказывать кому-л. помощь, поддержку (перен., разг.) [30], опора, помощь, надежда [14, т. 3, с. 195].

лей и свидетелей. Содержание этих лаконичных текстов, как и отбор даримых предметов, отличается подчеркнуто шутливым, юмористическим характером. Имеющиеся благопожелания условно делятся на две неравнозначные по объему группы: большинство текстов появляется благодаря рифме и фонетической близости «опорных» слов, в содержании ряда благопожеланий обнаруживаются достаточно четкие отсылки к традиционным народным представлениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семейные обряды Вятского края / под ред. А.А. Ивановой. – М. : Котельнич, 2003. – 320 с.
2. Русская свадьба : в 2 т. / сост. А.В. Кулагина, А.Н. Иванов. – М. : Гос. респ. центр. рус. фольклора, 2001. – Т. 2. – 503 с.
3. Архив кафедры фольклора Московского гос. ун-та имени М.В. Ломоносова.
4. Агапкина Т.А. Дар / Т.А. Агапкина // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 16–21.
5. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995–2012.
6. Полевые дневники З.И. Власовой, экспедиционные записи 1977 г., Астраханская обл.; 1978 г., Нижегородская обл. (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН).
7. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 т. / издание подгот. Л.Г. Барг и Н.В. Новиков. – М. : Наука, 1984–1985. – 3 т.
8. Детский поэтический фольклор. Антология / сост., вступит. ст., прим. А.Н. Мартыновой. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. – 577 с.
9. Усачева, В.В. Капуста / В.В. Усачева // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 457–461.
10. Круглый год. Русский земледельческий календарь / сост. А.Ф. Некрылова. – М. : Правда, 1991. – 496 с.
11. Бернштам, Т.А. Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора (традиционный аспект русской культуры) / Т.А. Бернштам // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб., 1991. – С. 234–257.
12. Даль, В.И. Пословицы русского народа : в 2 т. / В.И. Даль. – М. : Художественная литература, 1989. – 2 т.
13. Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В.П. Аникина. – М., 1998. – 480 с.
14. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Изд. центр «Терра», 1995.
15. Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. Репринтное издание 1848 г. – М. : Русская книга, 1995. – 576 с.
16. Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. – М. : Наука, 1968. – 276 с.
17. Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (АФ – аудиофонд, ВФ – видеофонд).
18. Левкиевская, Е.Е. Нищий / Е.Е. Левкиевский // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3 – С. 408–411.
19. Русские заговоры / сост., предисл. и прим. Н.И. Савушкиной. – М. : Изд-во «Пресса», 1993. – 368 с.

20. Макаренко, А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь, Енисейская губерния / А.А. Макаренко // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. – Т. XXXVI. – СПб., 1913.
21. Пропп, В.Я. Русские аграрные праздники / В.Я. Пропп. – СПб. : Изд. центр «Терра», 1995. – 176 с.
22. Архив автора.
23. Байбурин, А.К. «Нельзя... но если очень нужно...» (к интерпретации способов нарушения правил и запретов) / А.К. Байбурин // Труды факультета этнологии. Вып. 1. – СПб., 2001. – С. 4–11.
24. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – Изд. 18, стереотип. – М. : Русский язык, 1987. – 797 с.
25. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
26. Санникова, О.В. Брань / О.В. Санникова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 250–253.
27. Крашенинникова, Ю.А. Скотоводческая магия русского населения села Лойма / Ю.А. Крашенинникова // Живая старина. – 2009. – № 3. – С. 18–20.
28. Российский государственный архив литературы и искусства.
29. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН
30. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. Автор Т.Ф. Ефремова. 2000. – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.speakrus.ru/index.htm>. – Дата доступа : 10.01.2012.
31. Байбурин, А.К. Из истории слова скука / А.К. Байбуриkin // *Natales grate pumeras?* : сборник статей к 60-летию Г.А. Левинтона. – СПб., 2008. – С. 84–90.
32. Усачева, В.В. Лук / В.В. Усачева // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3. – С. 140–143.
33. Маслова, Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. / Г.С. Маслова. – М. : Наука, 1984. – 216 с.
34. Шейн, П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах : Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном / П.В. Шейн. – СПб. : Изд. Имп. Акад. наук, 1900. – Т. 1. Вып. 2. – С. 345–835.
35. Усачева, В.В. Картофель / В.В. Усачева // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 473–475.

Krasheninnikova Y. About Genres of a Modern Wedding Ceremony: a Few Remarks about Best Wishes in the Records of the end of XX Century

The article is devoted to the texts of best wishes noted at the end of XXth century which the guests say at the wedding ceremony. The texts accompany the donation of newly-married couple, the groom and the bride separately, rarely – the parents and witnesses. Some texts of wishes the content of which sends to traditional national representations are analyzed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.05.2012